

Липкин А.И.

Субцивилизационная специфика США.

1. Американский индивидуализм

Аннотация: Дается описание и генезис американского индивидуализма, составляющего основу субцивилизационной специфики США по сравнению с Европой и, особенно, с Россией. Этот индивидуализм, определяемый «образом жизни» и заселения нового материка, характеризуют идеалы «self made man», «американской мечты», успеха, соревнования и риска. Рассматривается проявление этого индивидуализма в таких характерных для США явлениях как земельная, золотая, нефтяная, мясная «лихорадки», росте городов и колледжей, развитию техники, образования, науки и культуры. В работе используется сравнительно-исторический анализ с использованием ранее разработанной системы понятий, в центре которой находятся понятия цивилизационной и субцивилизационной общностей формирующихся вокруг соответствующего «культурного ядра». Наряду с выделением важнейших компонент свероамериканского субцивилизационного культурного ядра показывается, что именно субцивилизационная специфика американского индивидуализма, заложенная при формировании США в XVII – XIX вв., во многом обуславливает лидерство США в современном постиндустриальном мире. Наряду с этим выделяются социокультурные оснований склонности американцев к «прямому действию» и более простым формам высокой культуры.

Review: The author describes the definition and genesis of American individualism forming the basis of subcivilizational particularity of the USA compared to Europe and especially Russia. Individualism is a result of a certain 'life style' and colonization of a new continent. The main ideals of individualism are a 'self made man', 'American dream', success, competition and risk. The American individualism is viewed based on the examples of such typical American phenomena as land, gold, oil, meat 'rush', growth of cities and colleges, development of technology, education, science and culture. In his research the author has carried out comparative historical analysis by using the developed conceptual framework centered on the concepts of civilizational and subcivilizational communities that are being formed around the 'cultural core'. Besides describing an important element of North American subcivilizational cultural core the author also shows that it is the subcivilizational particularity of American individualism created during the formation of the USA in the 17th – 19th centuries which is the main cause of the USA's leading position in the modern post-industrial world. The author also describes the socio-cultural grounds of the American tendency towards the 'direct action' and simpler forms of high culture.

Ключевые слова: Постиндустриальный, культ спешки, земельная лихорадка, образ жизни, self made man, культ успеха, американская мечта, индивидуализм, субцивилизация, прямое действие.

Keywords: Post-industrial, the cult of rush, land rush, life style, self made man, the cult of success, American dream, individualism, subcivilization, direct action.

Введение

В данной работе мы исходим из понятий цивилизационной и субцивилизационной общности, которая формируется вокруг соответствующего «культурного (духовного) ядра»^{1, 2}.

¹ Липкин, А.И. «Духовное ядро» цивилизационной общности // «Синтез цивилизации и культуры». Международный альманах. М.: ИНИОН РАН, 2004. С. 310-340.

² Липкин, А.И. «Духовное» и «политическое» «ядра» «локальной цивилизации» и их столкновение в

Основу цивилизационного культурного ядра образуют определенные базовые смыслы и идеалы. Границы цивилизационной общности определяются ареалом относительно *беспроблемного понимания* этих базовых (высших) смыслов и идеалов. Понятие субцивилизационной общности

истории России. Препринт WP17/2012/01 Серия WP17. Научные доклады Лаборатории сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ М.: ВШЭ, 2012. http://www.hse.ru/data/2012/04/10/1251631302/WP17_2012_01_f.pdf.

выделяет общности с отличающимися, но близкими и понятными системами идеалов и смыслов. Этот тип отличия между США и Европой высвечивается современным спором об отличии американской и европейской «мечты»³.

Важным моментом этого подхода является предположение, что интервал между рождением культурного ядра и его проявлением в мировой истории может быть весьма велик, и то, что система составляющих культурное ядро базовых смыслов и идеалов, *закладываемая* при рождении цивилизационной общности, как правило, состоит из нескольких сосуществующих компонент.

Для европейской цивилизации важнейшими составляющими ее культурного ядра являются три компонента, складывающиеся к XI–XII вв., которые можно обозначить как «рыцарскую», «бюргерскую» и «церковную»^{4,5,6}. При этом динамику развития этой цивилизации, в первую очередь, определяло взаимодействие первых двух. «Рыцарская» компонента, проходя ряд трансформаций (через итальянский гуманизм Ренессанса и дворцовую культуру абсолютизма), вливается в культуру Просвещения. Туда же, через движение Реформации, породившее капиталистические отношения в производстве и антисловную демократическую идею нации граждан в политике⁷, влилась и «бюргерская» компонента. Но это единство было недолгим. Во второй половине XIX в., после революций 1848 г. эти две культурные компоненты снова начинают резко противопоставляться друг другу в лице тяготеющих к эстетизму и иррационализму «писателей и интеллектуалов» – с одной стороны, и тяготеющих к прагматизму, рационализму, технике и науке «грубой и бескультурной буржуазии» – с другой⁸.

³ Rifkin J. The European Dream: How Europe's Vision of the Future Is Quietly Eclipsing the American Dream. Penguin. New York. 2004. – 448.

⁴ Поскольку в период их формирования они были тесно связаны с соответствующими сословиями.

⁵ Липкин, А.И. «Духовное ядро» цивилизационной общности.

⁶ Липкин, А.И. «Духовное» и «политическое» «ядра» «локальной цивилизации»

⁷ Липкин, А.И. К вопросу о понятиях «национальной общности» и национального «культурного ядра» // Вестник российской нации, 2012 б, №4-5, с.155-176.

⁸ Realism, naturalism and symbolism: Modes of thought and expression in Europe, 1848-1914 / [ed. by Stromberg R.N.]. – N.Y.: Harper and Row, 1968, p. IX, XIV.

США становятся ярким представителем прагматического потока, развивающего демократию и технику и рождающего в последней трети XX в. феномен «постиндустриального общества»⁹. Принадлежность США этому буржуазному потоку характеризует утверждение одного из идеологов американской революции Джона Адамса, который писал в 1780 г.: «Искусство – это отнюдь не то, в чем нуждается наша страна, полезные ремесла – вот то, чем мы можем располагать в молодой стране, которая все еще отличается простотой и недалеко ушла по пути роскоши... Долг мой заключается в том, чтобы изучить искусство управления больше, нежели любые иные науки»¹⁰. Дополнением этой программы служит формулировка «протестантской этики» индивида, данная крупнейшим американским идеологом – Б. Франклином: «Помни, что время – деньги. Помни, что кредит – деньги. Тот, кто оставляет у меня еще на некоторое время свои деньги,... дарит мне проценты... Помни пословицу: тому, кто точно платит, открыт кошелек других... Наряду с прилежанием и умеренностью ничто так не помогает молодому человеку завоевать себе положение в обществе, как пунктуальность и справедливость во всех его делах. Поэтому никогда не задерживай взятых тобой займы денег ни на один час сверх установленного срока...». – Так проповедует Бенджамин Франклин, и его проповедь очень близка «образу американской культуры»... Идеал ее – кредитоспособный добропорядочный человек, долг которого рассматривать приумножение своего капитала как самоцель... Здесь излагается своеобразная «этика»..., Summum bonum («высшее благо») этой этики прежде всего в наживе, во все большей наживе при полном отказе от наслаждения, даруемого деньгами»¹¹.

Наоборот, Россия с XVIII в., когда она начинает интенсивно строить свою высокую культуру на основе европейской, становится ярким представителем идеалистическо-

⁹ Bell D. The coming of post-industrial society; A venture in social forecasting. N.Y.: Basic Books, 1973. – 507.

¹⁰ Цит. по История всемирной литературы: в 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1983–1994, т.5, с.426

¹¹ Вебер, М. Избранные произведения [Текст] / М. Вебер; перевод с нем. [Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл П. П. Гайденко]. – М.: Прогресс, 1990, с. 71-75.

го потока, здесь доминировали антибуржуазные настроения (в царской России в дворянско-рыцарском варианте, а в народнической и советской – в крестьянско-социалистическом^{12,13}). По выражению одного из виднейших выразителей «русской идеи» А.С. Хомякова ее пафос «удален от всякого временного интереса и от пагубного влияния сухой практической внешности»¹⁴. Этот пафос противоположен пафосу Дж.Адамса и Б.Франклина. Если в Америке высоко ставили простые жизненные интересы и прагматические цели, то в России их называли «мещанством», придавая этому слову отрицательный и уничижительный смысл. В этом плане показательны, что в философии высшие достижения США – это прагматизм¹⁵, а в России – религиозно-мистическая и экзистенциальная философия В. Соловьева, Н. Бердяева и др.

В европейской культуре четко обозначены оба этих полюса (и их противопоставление), а Россия и США представляют как бы субцивилизации с доминированием противостоящих тенденций, заложенных в европейской цивилизации. Россия и США – два колосса, порожденные Европой, и потеснившие ее на мировой арене в XX в. Во второй половине XX в. эти две супердержавы, находившиеся в состоянии Холодной войны, образовали два полюса, структурировавшие всю мировую политику¹⁶. Поэто-

му сравнение с Россией, взгляд из России позволяет выявить глубинные субцивилизационные отличия США не только от России, но и от Западной Европы.

Итак, мы исходим из того, что США являются ответвлением европейской цивилизационной общности и по происхождению, и по содержанию¹⁷. Под происхождением имеется в виду то, что первая системообразующая волна эмиграции XVII – первой половины XIX в. шла из Англии¹⁸, отсюда же импортировались многие элементы культуры, легшие в основание здания США.

Одной из главных отличительных черт североамериканского субцивилизационного культурного ядра является *американский индивидуализм*, который определяется идеалами «*self made man*», «американской мечты», *успеха, соревнования и риска*.

Два других характерных американских социо-культурных феномена – *американскую «буржуазную общину»* на микро-

центр которой находился в Европе. Следствием этого стал процесс вторичного закрепощения крестьян в России и рабовладительство в плантаторских южных штатах США. В результате этого эти страны получили схожие сложнейшие внутренние проблемы – необходимость отмены крепостного права в России и отмены рабства в США. В обеих странах в 1860-х гг. были сделаны решительные шаги по решению этих проблем. В США это вылилось в Гражданскую войну между Севером и Югом, а в России – в убийство царя-реформатора и рост революционного движения социалистической направленности. Можно найти и другие параллели (см.: *Gavin, W.M. and Blakely, T.J. Russia and America; a philosophical Comparison (Development and Change of Outlook from the 19th to the 20th Century) / Dordrecht-Holland/ Boston-U.S.A., 1976, p. VII-VIII; Lapeyrouse St. L. Towards the Spiritual Convergence of America and Russia: American Mind and Russian Soul, American Individuality and Russian Community, and the Potent Alchemy of National Characteristics / StL. Lapeyrouse. – Santa Cruz, Calif., USA : S. Lapeyrouse, 1990. – 168).*

¹⁷ К анализу этой общности и отдельных компонент культурного ядра мы вернемся в следующей статье. В центре внимания этой статьи – специфика американского индивидуализма.

¹⁸ Некоторые из перечисляемых ниже специфических качеств США, касающихся идеалов свободы и демократии очень близки Англии и культурно и исторически связанными с ней и США Австралии, Новой Зеландии и Канаде. Поэтому, наверное, можно говорить и о более широкой англоязычной субцивилизации. В пользу этого говорит и периодически актуализирующееся различие «англоязычной» и «континентальной» философии.

¹² Липкин, А.И. «Духовное ядро» цивилизационной общности.

¹³ Липкин, А.И. Духовный кризис и национальное возрождение (Попытка культурно-исторического анализа). Философский очерк. Нижн. Новг.: Изд-во Волго-Вят. кадрового центра, 1993. – 55.

¹⁴ Русская идея М.: Республика, 1992, с.61.

¹⁵ *Smith J. E. The Spirit of American Philosophy, N.Y.: State University of New York Press, 1983. – 253.*

¹⁶ В истории России и США много похожих черт. Обе они достаточно молоды, обе являются громадными континентальными державами, которые в течение XVIII-XIX вв. стремительно расширялись (Россия – на Восток, США – на Запад) в области, заселенные относительно редко народами, находящимися на уровне жизни охотников и собирателей или кочевников-скотоводов. В обеих странах этот процесс происходил как инициатива мелких групп первопроходцев из маргинальных слоев общества, из людей не нашедших себе достойного места в структуре общества (в России это были, в первую очередь, казаки, беглые крестьяне, преследуемые властью староверы). И в России, и в США была объединяющая идея о «богоизбранной стране» с мировой миссией. В течение XVIII-XIX вв. Россия и Северная Америка принадлежали полупериферии миросистемы (Валлерстайн),

уровне различных общин и клубов, и *американские демократические институты* на макроуровне страны – мы отложим до следующей статьи. Главным историческим условием, определившим эти черты, был уникальный *процесс эмиграции и освоения нового материка*. Особую роль играл и протестантский религиозный мессианизм, в первую очередь, первых поселенцев Новой Англии.

Наряду с выявлением этих субцивилизационных отличий мы хотим показать, что те качества, которые обусловили лидерство США в современном постиндустриальном глобализирующемся мире, составляют специфику этой субцивилизации, и что они были заложены на начальной стадии формирования этой субцивилизационной общности¹⁹, которые определяются соответствующими историческими условиями и социальными субъектами того времени.

Главные черты американского индивидуализма: «self made man», «американская мечта», культы успеха, соревнования и риска

Америка – страна эмигрантов²⁰. Это обусловило очень многое. Люди, которые решились бросить все неблагоприятные, но знакомые условия жизни и *рискнуть* переплыть Океан, надеялись *за счет собственных сил и способностей достичь успеха* и устроить свое счастье, причем *скоро и здесь, на земле*²¹. Это составляло основу земной *эмигрантской концепции успеха*

¹⁹ «Современными рождаются, современными не становятся. Мы (европейцы) так и не стали ими... – с сожалением восклицает Жан Бодрийяр. – Каждая страна несет в себе что-то вроде исторического предназначения, которое решительным образом определяет ее черты» (*Бодрийяр, Ж.* Америка, СПб. : Владимир Даль, 2000, с. 150). Я исхожу из иной последовательности: исходные черты дают возможность стране проявиться в определенный момент истории, впрочем, возможно это не противоречит тому, что сказал Бодрийяр.

²⁰ В 1870 г. 1/7 часть населения США родилась за рубежом, к 1930 г. эта доля сократилась до 11,5 %, но к 1-му и 2-му поколению американцев принадлежало 31,5 % эмигрантов, а общее число населения с 1810 по 1930 г. выросло с 7 до 125 млн. чел (т.е. удваивалось в среднем за 25 лет).

²¹ В России нечто подобное можно было найти в среде казачества и в сибиряках, которые не определяли лицо России. В Америке же эти идеалы были основополагающими.

и индивидуализма, суть «американской мечты» и идеала «*self made man*». Показательно, что в американских боевиках победа добра (будь то на уровне индивида, города, страны или всего человечества) происходит, как правило, благодаря усилиям отдельного человека.

В резонансе с этой светской концепцией находится имеющая небесные корни *протестантская концепция успеха и индивидуализма*, принесенная пуританами Новой Англии (и поддержанная другими протестантами). «Главный источник пуританского индивидуализма был религиозным. Человек стоял один перед своим Создателем. Его спасение или гибель было делом между ним и Богом»²². Спасение, с одной стороны, было предопределено Богом и неизвестно индивиду, но считалось, что успешность человека в земной жизни свидетельствует об его избранности. Поэтому каждый стремился к успеху в земных делах, чтобы доказать себе и другим свою избранность. Это составляет важнейший элемент «протестантской этики», провозглашавшей *культ честного успеха* (не важно, на каком поприще). В результате их устремления к идеалу небесному выливались в *достижимые земные цели*. «Направленное на религиозные идеалы пуританское общество Новой Англии оказывается чрезвычайно эффективным в развитии земной жизни»²³²⁴.

Важным моментом является то, что и в светской «эмигрантской» и в протестантской концепции успеха этот успех завоевывается самим индивидом, а не получается по наследству²⁵. «Состояния обращаются в этой стране с невероятной быстротой, а опыт свидетельствует о том, – писал

²² *Persons S.* American Minds. A history of Ideas. /Huntington, N.Y., R. E. Krieger Pub. Соб 1975, p. 40.

²³ Поэтому к началу XIX в. «не оставалось такого уголка Земли, куда не пришли бы мореходы из Новой Англии» (*Бурстин, Д.* Американцы: национальный опыт. М. : «Прогресс» – «Литера», 1993, с. 16). Представители довольно суровой по природным условиям Новой Англии успешно делали деньги из льда, камня и из многих других земных нововведений (там же часть 1).

²⁴ *Persons S.* American Minds, p. 25

²⁵ В России нечто подобное было в среде купечества, особенно в послереформенный период бурного роста российской экономики. Но этот слой и это настроение не доросло до такой степени, чтобы определять лицо российской культуры.

А. де Токвиль, – насколько редко случается, чтобы два поколения подряд пользовались привилегией быть богатыми... В Америке большинство ныне богатых людей были когда-то бедными; практически все, кто сейчас бездельничает, в юности трудились не покладая рук»²⁶ [16, с. 59-60].

«Американская Мечта» – это «светлое сегодня» (а не «завтра», как в России), причем, доступное каждому. Америка представлялась американцам страной неограниченных возможностей, и они росли в сознании, что любая цель достижима. «Американская Мечта», о которой мир узнал благодаря Голливуду, была присуща США изначально. Реализация «американской мечты» предполагает типичную последовательность: тяжелый индивидуальный труд ради успеха в обозримом будущем²⁷. Приведем несколько иллюстраций реализации «мечты» в разных сферах.

В земледелии XVIII – XIX вв. «люди, которым в Старом Свете приходилось из поколения в поколение мечтать о наделе в 10-20 акров, начинали лишь несколько недель или месяцев спустя после переезда в Новый Свет думать о наделах в 160 или 320 акров (10 акров составляют около 4 га. – А.Л.)» [4, с. 96]. В мореходстве «не только в Англии, но и повсеместно в Европе как на море, так и на суше командовали выходцы из правящей аристократии. Для простого моряка выбиться в первые помощники, а то и в капитаны оставалось делом почти неслыханным... В Новой же Англии молодой человек, начинавший морскую службу простым матросом, становился капитаном собственного судна. Один капитан..., начинавший палубным матросом..., вспоминал, что все тринадцать матросов его первого экипажа впоследствии стали судовладельцами (речь идет о времени на границе XVIII-XIX вв. – А.Л.)» [4, с.17-18].

Еще более яркие примеры дают «американские бизнесмены» XIX в. «Американский бизнесмен – продукт (и создатель) быстро растущих городов американского Запада периода между Революцией и Гражданской войной... Первоначальной средой обитания для американского бизнесмена служил город, вырастающий на пустом

месте... полный необузданных надежд» [4, с. 150, 151]. «Черты характера бизнесмена обнаруживаются в жизнеописании любого из тысяч людей, сколотивших состояние в начале XIX в. “Я родился подле лесопилки, – хвастал Уильям Огден (1808 – 1877), – рано осиротел, люлькой мне служило корыто для варки сахара,... учился в бревенчатой школе, а в четырнадцать лет решил, что преуспею во всем, чем не займусь, и что для меня нет ничего невозможного”... Уильям Огден прибыл в Чикаго (из Нью-Йорка, в развитии которого он до этого принимал активное участие – А.Л.) в июне 1835 г. Согласно переписи, население города составляло 3265 чел. Почти все из них перебрались туда после 1822 г.... В 1837 г. Огдена избрали первым мэром Чикаго... Население Чикаго за каждое последующее десятилетие примерно утраивалось.... В 1880 г. в Чикаго проживало более полу-миллиона человек, а к 1890-му, когда он стал уже вторым городом на континенте, – более миллиона. Тем временем стоимость недвижимости росла еще более впечатляющими темпами... “В 1844 г., – вспоминал Огден, – я приобрел за 8000 долларов то, что восемь лет спустя продал за три миллиона долларов”, и перечень подобных ситуаций можно продолжать чуть ли не до бесконечности”... Успехи были столь неожиданными и повсеместными, что трудно было понять, где кончается факт и начинается вымысел... Издававшаяся в Чикаго газета «Америкэн» (от 23 апреля 1836 г.) похвалялась участком,... “росшим в цене темпами по сто процентов в день на протяжении пяти с половиной лет, начиная с 1830 г.”»²⁸. В таком деловом климате естественно, что Огден «не мог забыть, ... что все, идущее на пользу Чикаго и укрепляющее великий Запад, шло на пользу и ему»²⁹. История Огдена тысячекратно разыгрывалась по всей Америке, всюду, где только росли новые города³⁰. Чрезвычайно характерной иллюстрацией географической и социальной мобильности, упорства, риска («все или ничего»), многочисленных взлетов и падений, потерей всего, решимости

²⁶ Токвиль, А.де. Демократия в Америке. М. : Прогресс, 1992, с. 59-60.

²⁷ Какой контраст с российским «по щучьему велению, по моему хотению»!

²⁸ Бурстин, Д. Американцы: национальный опыт. М. : «Прогресс» – «Литера», 1993, с. 151-153.

²⁹ Бурстин, Д. Американцы: национальный опыт, с. 152.

³⁰ Бурстин, Д. Американцы: национальный опыт, с. 155.

все начинать с нуля, и конечного успеха является биография генерала Уильяма Ларимера (1809 – 1875). «Родившийся и выросший в Пенсильвании, он перепробовал массу занятий в районе Питтсбурга: держал магазин, бакалейную лавку и отцовский отель (отель был центральным зданием американского города, «общественным дворцом», хозяин отеля – это высокое положение в городской элите – А.Л.), торговал лошадьми, работал на железной дороге, занимался перевозкой грузов и банковским делом. Потеряв все во время кризиса 1854 г., Лаример тут же решил все начать заново подалее на Западе и следующей же весной перебрался в Небраску. Там он тоже приложил руку к быстрому развитию города, который тогда еще не существовал. В мае 1855 г. он писал: “Я застолбил два участка в Ла-Плате, на территории штата Небраска..., и мы закладываем город. Меня избрали президентом компании, и я закрепил за собой третью часть территории города... Думаю, за несколько лет я многого здесь добьюсь”... Лаример рассчитывал, что трансконтинентальная железная дорога пройдет через Ла-Плату, но ошибся в своих ожиданиях. Затем, после трудной зимы, город пережил сильное весеннее наводнение. “И мы вскоре пришли к выводу, что строительство города здесь обречено”... Из Ла-Платы Лаример переехал в Омаху... Когда и в Омахе (менее чем два года спустя) дела не пошли на лад, Лаример перебрался в Ливенворт, в Канзас. Это случилось в 1858 г., в то самое время, когда он узнал о том, что у Черри-Крика близ Пика Пайка нашли золото. Не желая ждать наступления следующей весны и благоприятных условий для путешествия, Лаример и его сын немедленно сколотили экспедицию и двинулись в путь той же осенью.... Сын Ларимера так описал события 17 ноября 1858 г.: “... Отец сбил кресты из четырех вырезанных из тополя шестов и врыл их в землю, объявляя, что забивает это место под город. Тот самый город, который ныне стал красотою и гордостью штата Колорадо”. На сей раз Лаример не ошибся в выборе, ибо заложил он город Денвер.... “Город Денвер – это я”, – заметил Лаример в письме, написанном в феврале 1859 г.»³¹.

Однако, важной чертой «американской мечты» является ясность критерия успеха. Для США характерно сочетание ин-

дивидуального пути к успеху при общем (стандартном) наборе целей: богатство, карьера, жена, дети, собственный дом, ... Вопрос о том, что из этого набора предпочтительнее и поставить на первое место, порождает проблему выбора. Сюда следует добавить типичную американскую проблему сочетания идеалов совести и успеха, т.е. допустимой цены успеха³². Но все эти проблемы не должны выходить за пределы стандартного для любого «простого американца» набора целей. Человек, выбивающийся из такого набора, оказывается вне общества и подвергается осуждению. Вообще индивидуализм в виде нестандартности целей, критериев, так же как склонность к уединению американцы рассматривают «как порок того же порядка, что и гордость»³³. Американская новизна расположена в сфере деятельности, а не в области смыслов. В этом состоит существенное отличие Америки от России, где центральным вопросом был вопрос о смысле.

Лицо Америки определяет образ жизни (в то время, как Россия «культуроцентрична», культура определяет ее лицо и идентичность). Именно он был главным интегратором для потока иммигрантов, прибывавших в Новый Свет. «Главная мысль Токвиля, – пишет Жан Бодрийяр, – состоит в том, что дух Америки заключен в ее образе жизни... (и) нравах»³⁴. Так, по утверждению Э. Коган, во второй мировой войне американцы воевали скорее «за сохранение «американского образа жизни», чем за некие возвышенные идеалы»³⁵. Но при этом надо учитывать, что «для всех американцев бытие гражданином и потребителем благ переплетено», образуя единый комплекс

³² Весьма показательны в этом отношении отзывы американского философа Эмерсона о «сверхчеловеке» Наполеоне – кумире Европы (включая Россию начала XIX в.). Он называет его «мошеником, плутом и негодяем» и утверждает, что «вся жизнь Наполеона – эксперимент с целью показать, к чему может привести интеллект при отсутствии совести» (Р.У. Эмерсон (цит. по [13, с. 67])). И действительно, в США высочайшие личные результаты (реализация «американской мечты») не столь уж редки, и многие добивались их, не нарушая моральных норм.

³³ Бурстин, Д. Американцы: национальный опыт, с. 191.

³⁴ Бодрийяр, Ж. Америка, с. 168.

³⁵ Cohen E. A Consumers' Republic. The Politics of Mass Consumption in Postwar America. N.Y. : Alfred A. Knopf, 2003, p. 70.

³¹ Бурстин, Д. Американцы: национальный опыт, с. 156-158.

“потребитель–гражданин–налогоплательщик–избиратель”, куда входят и идеалы «демократии, свободы, равенства»³⁶. Э. Коган утверждает, что «с 1930-х годов вплоть до 1970-х обращаться к интересам потребителя было одновременно и обращением (арреал) к некоторому большему общему благу, стоящему над индивидуальным собственным интересом»³⁷.

В центре образа жизни американца (до выхода на пенсию) лежит, во-первых, – работа, во-вторых, – семья. Американцы, в первую очередь, работают (чтобы добиться успеха). Дополнением к этому является досуг, где человек должен расслабиться, отвлечься и отдохнуть от работы. Этот досуг обеспечивают шоу-бизнес и туризм (который Бодрийяр противопоставляет путешествию), спортивные клубы и т.п. В Америке также выступают лучшие оркестры и театральные труппы мира, но очень часто это воспринимается американцами как отвлечение от работы, или как дополнительная культурная информация (продукт потребления)³⁸. «Жить» в высокой культуре для американцев, похоже, более редкое явление, чем для европейцев. Можно сказать, что американцы значительно больше работают и меньше «живут», чем европейцы. Они больше поглощены погоней за успехом. Это замечают американцы, прожившие достаточно долго в Европе, и европейцы, прожившие достаточно долго в США. Поэтому многие европейцы предпочитают возвращаться в Европу, хотя США предоставляет им значительно лучшие условия работы и уровня жизни.

Другой важной чертой «американской мечты» является то, что ее осуществление связано с *мобильностью, риском, соревнованием*. Эти черты были заложены уже на первой стадии американской истории в связи с эмиграцией и заселением материка. «Уровень мобильности переселенцев измерялся их *решимостью добиваться бескомпромиссного осуществления своих надежд*» [4, с. 128]. «Новый американец, оставивший родню и собственность в Старом Свете, не мог обременять себя сожалениями...

Дух перемены места поощрялся нестабильностью складывавшейся в Америке ситуации с первых же дней заселения Восточного побережья... Переселение с места на место, где поудобнее, являлось такой же чертой американского опыта, как и движение в одном направлении... Американцы... явили миру своего рода новых бедуинов. Более, чем что-либо другое, они ценили свободу передвижения... Возможность поисков американцы ценили выше самой цели... Переселенцы могли иногда расставаться со своими жилищами, но ни в коем случае не с надеждами. Надежды переживали любые переезды... Для них просто выжить было мало, они стремились к процветанию. Чтобы сняться с места, хватало одного – понять, что здесь процветанием и не пахнет...»³⁹.

Однако, «пути их часто оказывались туманны, а цели неопределенны. Предприимчивость? Возможно. Целеустремленность? Возможно. Но наряду с тем и *вечная неуверенность*, куда эти предприимчивость и целеустремленность приложить ...»⁴⁰. На почве этой постоянной неуверенности и неопределенности взрастала склонность к риску, готовность поставить на карту все.

Склонность к риску сочеталась с культом соревнования, ибо важным средством успеха являлась скорость. Это стимулировалось «*принципом приоритета* – предпочтения тому, кто... пришел первым... Принцип приоритета сам по себе побуждал людей поспешать, настаивая на том, что факт прибытия первым является не просто фактом истории или биографии, но деянием, за которое даже богатство не представлялось достаточно высоким вознаграждением... Примененный первоначально к земельному праву, он применялся поочередно к каждому последующему витку гонки за богатствами континента: золотом, водой, пастбищами и нефтью»⁴¹. «Всегда впереди маячили призы, которые достанутся другим, если не поспеешь вовремя. А путь к ним лежал тяжелый и долгий... Переселенцу она (Америка) представлялась страной, где жизнь диктует принцип «сейчас или никогда». Самым важным считалось *поспеть первым*...

³⁶ Cohen E. A Consumers' Republic, p. 401-403.

³⁷ Cohen E. A Consumers' Republic, p. 397.

³⁸ Бодрийяр утверждает, что заповедники природы, индейские резервации, картины Рембранта (повидимому, сюда же он бы отнес и первоклассные оркестры) являются в американской культуре явлениями одного круга (Бодрийяр, Ж. Америка, с. 150).

³⁹ Бурстин, Д. Американцы: национальный опыт, с. 123-4, 126, 128.

⁴⁰ Бурстин, Д. Американцы: национальный опыт, с. 126.

⁴¹ Бурстин, Д. Американцы: национальный опыт, с. 104.

История путешествий по Западу в пик движения переселенцев в период между Революцией и Гражданской войной повсеместно представлялся историей скорости... Методом... работы западных пароходов стали гонки. Поначалу западная страсть добраться первым диктовалась прозаическими, практическими и коммерческими интересами, но очень скоро выделилась в самостоятельный феномен. То, что началось как грубая необходимость, развилось в опасное и захватывающее развлечение. Подобно скачкам лошадей, гонки пароходов по Миссисипи (главной транспортной артерии страны – А.Л.)... превратились в спортивную самоцель... Стали соревнованиями массовыми и популярными»^{42, 43}. Та же картина сложилась чуть позже на железной дороге⁴⁴. Из-за этого культа скорости и

⁴² Бурстин, Д. Американцы: национальный опыт, с. 129, 130.

⁴³ «Дух паровых гонки периода 1840 г. суммировал знавший в них толк и бывший очевидцем их экспессов барон де Герстнер: «Американцы... справедливо говорят о себе: «Мы всегда рвемся вперед»... Стоит двум пароходам оказаться борт о борт, пассажиры подбивают капитанов на гонку, и те соглашаются... Часто причиной взрыва паровых котлов служат гонки, и тем не менее они постоянно продолжаются. Но ведь жизнь американца и есть постоянная гонка...» (Бурстин, Д. Американцы: национальный опыт, с. 129, 130). «На западных реках с пароходами случалось чудовищное количество аварий. Не раз отмечалось, что плыть по Миссисипи было куда опаснее, чем пересекать океан... Около трети материальных убытков, половины погибших и двух третей пострадавших в паровых авариях, зарегистрированных в первой половине столетия (XIX), связано со взрывами паровых машин. Разлетающиеся обломки, струи пара и кипятка поражали людей сотнями... Люди, охваченные «земельной лихорадкой», люди, охваченные «золотой лихорадкой»; спекулянты недвижимостью, торговцы, неприметные суетливые эмигранты – все были одержимы желанием «как-нибудь, но двигаться вперед»... «Чтоб на этих «крокодилах» гонять, надо быть не робкого десятка: на всех парах, клапана до отказа, шестьсот душ на борту, и все вот-вот разнесет к чертям» – говорил кочегар парохода на Миссисипи в 1844 г. (Бурстин, Д. Американцы: национальный опыт, с. 133). «Речники, собравшиеся в 1838 г... обсудить причины аварий, отмечали, что... «Нездоровая тяга пассажиров «вырваться вперед» и служит... одной из главных причин зла...» ... За вторую четверть прошлого (XIX) столетия на западных реках произошло не менее ста пятидесяти крупных взрывов паровых машин, в которых погибло не менее тысячи четырехсот человек» (Бурстин, Д. Американцы: национальный опыт, с. 134).

⁴⁴ «Хлипкость сооружений и огромная скорость, развиваемая на неогороженной, плохо укрепленной до-

гонок путешествие на поезде или пароходе превращалось в довольно рискованное предприятие Этот же дух гонки позже, во многом распространился и на автомобили. В кинематографе, возможно наиболее американском по духу виде искусства, скачки или гонки на автомобиле – чрезвычайно популярны. Но, как мы видим, это имело место не только в кино⁴⁵.

Культ скорости и состязания отлился и в образе ковбоя, который кольцом, кулаком и скачками доказывает свое первенство.

Принципы простоты жизни и «прямого действия»

Важной спецификой Америки является то, что «американская мечта» по своей

роге, проложенной с крутыми поворотами на пересеченной местности, вызывали многочисленные катастрофы». Это хорошо иллюстрируют выписки из впечатления от поездки на поезде в 1855 г англичанина Чарльза Ричарда Уэлда («поскольку поезд шел... с большой задержкой, то приходилось ехать очень быстро, чтобы скомпенсировать опоздание, как объяснил кондуктор»): «Дело приняло столь серьезный оборот, что я ждал крушения с минуты на минуту. Мою уверенность разделял и господин, имеющий на своем попечении двух дам. Сохраняя спокойствие,... этот господин инструктировал нас, как следует рассаживаться (сидеть боком, держаться за спинки сидений впереди и т.п. – А.Л.)... Советы господина подкреплялись заверениями в его опытности по части катастроф. Затем господин добавил, что в среднем вагоне ехать безопаснее. ...Тщетны были призывы к кондуктору сбавить безумную скорость... Поезд несся все с той же скоростью, пока миль через шесть после станции, где мы пересели в другой вагон,... наш вагон, перевернувшись, застыл на месте, наглядным образом давая понять, что поезд сошел с рельсов... Выбравшись из под обломков, Уэлд обнаружил, что, кроме паровоза и части среднего вагона, все остальное раздавлено в лепешку. Вокруг валялись колеса. Рельсы либо сорвало от шпал, либо скрутило в штопор. ... (Но) никто из товарищей по несчастью не (был) намерен присоединиться к его попытке обжаловать безрассудного машиниста. Напротив, большинство из них воздавали хвалу усилиям последнего прибыть по расписанию... Количество крушений на железных дорогах было ужасающим по сравнению с европейским» (Бурстин, Д. Американцы: национальный опыт, с. 137-38).

⁴⁵ «Культура здесь – это пространство, это скорость, это технологии» (Бодрийар, Ж. Америка, с. 178). «Соединенные Штаты были большой и быстрой страной, американцы это знали и по большей части любили..., все хвастались величиной и скоростью» (Бурстин, Д. Американцы: демократический опыт. М.: «Прогресс» – «Литера», 1993, с. 699).

сути и форме является утопией. Утопия является определенной формой фиксации идеалов в виде идеального общества и идеальной жизни на земле (а не в потустороннем мире). Утопичность предполагает нереализуемость⁴⁶. Но в США она во многом (или для многих) постоянно реализуется. «Соединенные Штаты – это воплощенная утопия... – пишет Жан Бодрийяр. – (Они) достигли всего, о чем другие только мечтали: справедливости, изобилия, господства закона, богатства, свободы... Что было помыслено в Европе, реализуется в Америке»⁴⁷.

Таким образом, идеалы реализуются в «американском образе жизни», и этим снимается напряжение между идеалами и реальностью, которое в Европе давало энергию для развития сложной высокой культуры⁴⁸. Не случайно, если обращаться не к образу жизни, а к культуре, то среди достижений США первым, что приходит в голову – это джаз, мюзикл,⁴⁹ шоу, боевик. Здесь нет создания новых сложных форм и

⁴⁶ Это общее свойство идеалов. Если нормы должны постоянно воплощаться в реальной жизни, и существуют они, пока их соблюдает большинство членов данного сообщества, то идеалы этого не предполагают. Более того, последние всегда имеют некий «зазор» с реальностью. В отличие от норм, идеалы определяют развитие индивида и общества, призывают человека к совершенствованию себя и общества. Чем больше указанный «зазор», тем больше накапливаемая в нем энергия, которая может служить движущей силой для преобразований как в социальной сфере (Великая Французская революция), так и в области литературы, искусства, философии (как это было в Германии и России XVIII-XIX вв.). В отличие от интересов, идеалы задают движение не «к индивиду», а «от индивида». Интересы и идеалы различаются как чувства голода и возвышенной любви. Не бывает общества без идеалов. Они были и есть в «прагматической» Америке, так же, как в «идеалистической» России.

⁴⁷ Бодрийяр, Ж. Америка, с. 151, 159.

⁴⁸ «В этом средоточии богатства и свободы... (возникает вопрос) Что делать, когда все доступно: секс, цветы, стереотипы жизни и смерти?» (Бодрийяр, Ж. Америка, с. 97).

⁴⁹ «Именно эти музыкально-творческие виды – хоровой гимн Новой Англии, духовные песни южан, негритянские спиричуэлс и шаутс, «менестрельные» песни (прямые предшественники современных «бродвейских сонгов»), регтайм, блюзы, новоорлеанский джаз, музыкальная комедия и мюзикл XX в. и т.п. – именно они... ярче всего типизируют музыкальное мышление американцев» (Конен, В.Д. Очерки по истории зарубежной истории музыки. М.: Музыка, 1997, с. 541).

содержаний, которые мы находим в Европе и России (конца XIX – начала XX в.).

Эта простота жизни является другим следствием истории США. Так Бурстин выделяет среди «особенностей Нового Света»: «возвращение к более ранней стадии развития (когда человек оказывается отброшенным в условия существования более ранней эпохи)»; «универсальность, продиктованная непредсказуемостью»; «скудость общественных структур»; «недостаток рабочей силы и изобилие земли», что «неизбежно привело к ухудшению качества выполняемых работ»⁵⁰.

Отсюда следует скромность культурных запросов. В течение длительного времени Америка находилась в ситуации, когда европейская культура могла ей предложить много больше, чем ей требовалось. Поэтому, во-первых, у американцев был слабый спрос на развитие собственной культуры, все, что ей надо, она импортирует из Европы, в первую очередь из Лондона. Во-вторых, Америка, особенно в первые века своего становления, востребовала наиболее простые плоды европейской культуры⁵¹.

В Америке «как здравый смысл, так и обычное право, прошли испытание временем и были способами решения проблем, не требующими раздумий... Это был образ мышления, питаемый сомнением в способности профессионального мыслителя думать лучше других»⁵². Действительно, равенство, относительная простота решаемых проблем и очевидный повсеместный прогресс жизни, способствовали этой са-

⁵⁰ Бурстин, Д. Американцы: колониальный опыт. – М.: «Прогресс» – «Литера», 1993, с. 227-229.

⁵¹ «Высокое мастерство исполнительского искусства, основывающегося на европейской классике, существовало в США с сер. прошлого (XIX) в. одновременно с низким профессионализмом тех редких американских композиторов, которые пытались работать в оперно-симфонических рамках... Почти весь процесс становления американской цивилизации... прошел мимо величайших ценностей, заключенных в музыке постренессансной Европы. Оперно-симфоническая культура, принадлежащая к высшим духовным достижениям европейских народов, упорно не принималась на североамериканской почве... И родившаяся в 20-х годах нашего (XX) в. композиторская школа не отклоняется от оперно-симфонического творчества Европы» (Конен, В.Д. Очерки по истории зарубежной истории музыки, с. 539)

⁵² Бурстин, Д. Американцы: колониальный опыт, с. 183, 184.

моуверенности⁵³. Это был «образ американского мышления». Он основывался, с одной стороны, на том, что «причины, на основании которых люди совершают свои поступки, гораздо менее важны, чем сами поступки», «здесь люди были более заинтересованы в накоплении опыта, нежели в совершенствовании истины». С другой стороны, американцы исходят «из убеждения в том, что новизна жизненного опыта должна свободно восприниматься человеческой мыслью...»⁵⁴.

В Америке стремились «приблизить всю философию к повседневной жизни»⁵⁵. Здесь предполагалась «возможность каждого свободно и ясно мыслить, полагаясь на свой собственный опыт... Основные американские проблемы должны были быть решены скорее на основе житейского опыта⁵⁶, чем в дискуссиях или учебе»⁵⁷. «В нашей стране нет особого класса литераторов, – писал Джефферсон в 1813 г., – каждый человек занят каким-то полезным делом, а наука является всего лишь второстепенным родом деятельности»⁵⁸. Американцы – «люди дела», поэтому «Америка не выражала особого энтузиазма по отношению к людям с глубоким независимым и “безупречным” интеллектом.... Всеобщий страх перед ... властью разума, способного возвысить человека над другими людьми, породил веру американцев в “божественную усредненность”. В Америке “есть место для каждого” и каждый может преуспеть»⁵⁹. «Самый бедный чернорабочий... считает себя имеющим право высказывать мнение в вопросах религии и политики с той же свободой, что джентльмен или ученый... Поскольку каждый человек

надеется в один прекрасный день стать вровень со своим богатым соседом»⁶⁰.

Это настроение было характерно как для героев frontier, так и для фермеров и для южных дженльменов.

«*Виргинские джентльмены* следовали примерам своих английских собратьев. По английским канонам им разрешалось быть грамотными, но, упаси Бог, не учеными: педантичности и углубленности во что-либо следовало избегать, как чумы. Они должны были достаточно знать обо всем, чтобы правильно поступать и решать свои частные вопросы... В Виргинии не было места литературно образованному классу... Виргинцы не принадлежали к культурной элите, они были деловыми людьми»⁶¹. А вот характеристика жителей Виргинии, датируемая 1724 г.: «Благодаря их быстрому восприятию они обладают достаточным багажом знаний и беглостью речи, хотя их познания большей частью только *поверхностны*. Они скорее предрасположены постигать людей через бизнес и общение, чем погружаться в книги, и в основном стремятся постичь только то, что абсолютно необходимо, самым быстрым и наилучшим образом»⁶². Если «разносторонние интересы *философа* французского происхождения выражали его веру в высшее единство разума». То разносторонность колонистов Виргинии «диктовалась фактическим многообразием его ответственности – за местные власти, религию, урожай, медицинское обслуживание и все остальное в его небольшом мирке колониального поселения... У американцев с самого начала сформировалась привычка воспринимать в основном только те идеи, которые, казалось, уже прошли испытание жизненным опытом»⁶³.

«Ограниченность американцев (я бы сказал – провинциальность) нигде не проявляется так ярко, как в людях и достижениях, которыми они громче всего хвастались..., – говорит Бурстин, – Многие американцы горячо приняли планетарий как убедительное подтверждение того, что

⁵³ Отсюда вытекает характерное простое деление персонажей на «хорошие парни», «плохие парни».

⁵⁴ Бурстин, Д. Американцы: колониальный опыт, с. 185.

⁵⁵ Бурстин, Д. Американцы: колониальный опыт, с. 187.

⁵⁶ Это та черта, против которой в Европе 1930-х, выступал Ортега-и-Гассет. Он ее приписывал «человеку массы», который «не слушает доводов разума и учится только на собственном опыте» [15, с. 147]. В Европе он стал опорой фашизма, но в Америке на этой основе успешно развивалась демократия.

⁵⁷ Бурстин, Д. Американцы: колониальный опыт, с. 188.

⁵⁸ Бурстин, Д. Американцы: колониальный опыт, с. 358.

⁵⁹ Бурстин, Д. Американцы: колониальный опыт, с. 224, 225.

⁶⁰ Бурстин, Д. Американцы: колониальный опыт, с. 358, 359.

⁶¹ Бурстин, Д. Американцы: колониальный опыт, с. 344, 348.

⁶² Бурстин, Д. Американцы: колониальный опыт, с. 185-186.

⁶³ Бурстин, Д. Американцы: колониальный опыт, с. 192.

теперь Новый Свет может соперничать в научном прогрессе со Старым... «Поскольку он сделан в Америке, и сделан более совершенно, чем когда-либо созданный в Европе»⁶⁴. Другой приводимый Бурстином пример, относящийся к тому же XIX в., касался теории электричества Франклина, которая принесла ему репутацию физика. «Его работы по электричеству были беспорядочными и разноплановыми, ... сборником писем... Труды Франклина по электричеству не были исключением из колониальной науки, которая носила описательный и ограниченный характер»⁶⁵. «Тот вид нового знания, который жизнь в Америке сделала возможным..., не требовал предварительного обучения». «В то время как американцы добывали новые сведения, европейцы... систематизировали их»⁶⁶. Та же универсальность и поверхностность была характерна и для американского образования.

Важной стороной этого упрощения культуры является склонность к простым решениям и «прямому действию». Это противоречит европейскому подходу, исходящему из того, что «цивилизация по мере своего развития становится все сложнее и напряженнее. Проблемы, которые она ставит перед нами, невероятно запутаны. Людей способных решать эти проблемы становится все меньше»⁶⁷. Поэтому надо исходить из сложных построений разума, а не «прямого действия», исходящего из наличного ресурса и прямого экспериментирования. Но, как мы видели, американцам, вследствие специфики их истории не знакомо подобное ощущение сложности; до сих пор им хватало «прямого действия», они привыкли опираться на «простые уроки каждодневного опыта»^{68, 69}. Поэтому их

действия сегодня могут приводить к катастрофическим отдаленным последствиям, поскольку современный мир чрезвычайно усложнился из-за образовавшихся многочисленных и многообразных нелинейных связей в сочетании с необычайным развитием технических возможностей. В этом отношении характерный конфликт постиндустриального общества – «борьба между знанием и некомпетентностью»⁷⁰ – проявляется в Америке с особой остротой⁷¹ и в глобальном масштабе, учитывая роль США в глобализирующемся мире.

Но современное противостояние сложности жизни и склонности к простым решениям представляет опасность и для внутренней жизни американцев. Ведь усложнение происходит и на уровне повседневной жизни. Американская демократическая система предполагает простоту, то, что любой «простой американец» (а не только «яйцеголовый» интеллектуал) может понять, что происходит и осознанно отдать свой голос в пользу того или иного решения. Но в связи с усложнением жизни (законы общин умещались на нескольких страницах и были всем понятны, а сегодня они составляют толстые тома, и без профессионального юриста часто не обойтись) и увеличением мощи СМИ, ситуация принципиально изменилась. Поэтому «простой американец» (как и гражданин любой другой страны) не в состоянии понять сложившуюся современную очень сложную систему нелинейных связей, существующую внутри страны, а к этому надо еще добавить влияние процесса глобализации. Все это приводит к тому, что старый механизм, по сути, перестает действовать, система теперь состоит из политиков, которые с помощью PR-технологий и СМИ манипули-

⁶⁴ Бурстин, Д. Американцы: колониальный опыт, с. 282, 283, 291.

⁶⁵ Бурстин, Д. Американцы: колониальный опыт, с. 293, 294, 297.

⁶⁶ Бурстин, Д. Американцы: колониальный опыт, с. 196.

⁶⁷ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс [Текст] / Х. Ортега-и-Гассет // Вопросы философии, 1989, № 3, с. 151.

⁶⁸ Бурстин, Д. Американцы: колониальный опыт, с. 282.

⁶⁹ Европейцев этому научил, в первую очередь, опыт истории, опыт революций, в которых постоянно получалось не то, что задумывалось. Америка не имела подобного печального опыта. Собственно, развитие социокультурных систем и является наиболее слож-

ным процессом. США стали сталкиваться с этим опытом лишь во второй половине XX в. и то, главным образом, во внешней политике (Вьетнам, неудачные попытки модернизировать страны «третьего мира»). В этом плане отношение между Европой и США напоминают отношения между набравшегося житейского опыта взрослым и неопытным наивным юношей, обладающим недюжинной силой.

⁷⁰ Фомина В.Н. Постиндустриальное общество [Текст] / В.Н. Фомина // Современная западная социология (словарь). М., 1990с. 271.

⁷¹ Очень четко это проявилось вокруг выборов в президенты Буша младшего. Университеты и интеллектуалы выступают против него, а «простые американцы», по-прежнему верящие в простые решения, его поддерживают.

руют мнением граждан⁷², ориентирующихся на простые решения, которые сегодня не работают.

Усложняется и проблема поддержания морали. Переход к жизни в мегаполисах сделал жизнь индивида менее прозрачной для общины, а на этом держалась жесткая мораль американцев⁷³. Это порождает и нехарактерный для более ранней Америки вопрос о смысле жизни. Вообще говоря, сложность жизни в мегаполисах Америки и Европы в XX в., по-видимому, сравнялись.

Постиндустриальные черты американского индивидуализма

Основу *современности* американцев, их лидерство в постиндустриальном обществе обеспечивается их *мобильностью*, готовностью рисковать и жить в *быстро меняющемся неопределенном мире*, их «открытостью к неизведанным путям», «открытостью новому». «При каждой новой возможности американец умело использовал

⁷² «Сегодня судят по имиджу... (Имеет место) рекламное регулирование общественного мнения... (Америка сегодня представлена) поколением... вращающимся вокруг масс-медиа, рекламы и информации... Американское могущество... ограничивается сиюминутными образами, рекламными кампаниями» (*Бодрийар, Ж.* Америка, с. 186-188, 194). В «Республике потребителей» произошел перенос «стратегии продажи продуктов потребителям в продажу политиков голосующим... Массовый маркетинг, очевидно, оказал громадное влияние на политическую практику Америки двадцатого века» благодаря чему «кандидаты известны более по имиджу, чем по сути». Важную роль в этом играет телевидение (Cohen E. A Consumers' Republic, p. 332, 341).

⁷³ Исходное состояние характеризуется наличием протестантских общин в маленьких аграрных городках, где все у всех на виду, где все друг друга знают. На этом держится строгое следование общепринятым нормам поведения, прочность «протестантской этики», аналогичной древнеримским «*civitas – honos – virtus – res publica*» в Древнем Риме (*Липкин, А.И.* «Духовное ядро» цивилизационной общности; *Липкин, А.И.* Духовный кризис и национальное возрождение). Но в XX в. в ходе индустриализации бурно растут промышленные города-гиганты, где человек легко выпадает из общины. Это в конечном счете приводит к кризису буржуазных норм поведения («протестантской этики»), проявившемуся в начале нынешнего столетия в среде элиты, а затем в массовом поведении послевоенной молодежи (см. *Bell D. The cultural contradictions of capitalism [Text] / D. Bell. – N.Y. : Basic Books, 1976. – 301).*

свои возможности»⁷⁴. Это, как мы видели, является следствием их истории, стержнем которой были процессы переселения (эмиграции) и заселения «пустого» материка: начинали с «чистого листа», у переселенцев не было истории и традиции. И на базе сочетания поверхностности и открытости новому, американцы уже в XIX в. в разных областях своей деятельности демонстрировали характерные для современной постиндустриальной культуры черты.

Эти черты видны уже в «земельной лихорадке», которая охватила весь материк. Но чуть позже, по сути те же качества, еще ярче проявляются при бурном строительстве городов, как в самих их организаторах – «бизнесменах», примеры которых были приведены выше, так и в типе роста городов.

«С самого начала они (города) строились не столько на концепции защиты или сохранения (как в Старом Свете – А.Л.)..., сколько на концепции *роста*... В этом корни отождествления американцами жизни и прогресса»⁷⁵. Рост городов сопровождался «быстрым ростом и большими надеждами»^{76, 77}.

Конкуренция между быстро строящимися городами определяла постиндустриальный характер возникновения города. Город начинался с рекламы (а не как торговый, промышленный или административный центр), центральными элементами которой были колледж⁷⁸,

⁷⁴ *Бурстин, Д.* Американцы: колониальный опыт, с. 224.

⁷⁵ *Бурстин, Д.* Американцы: национальный опыт, с. 149, 150.

⁷⁶ *Бурстин, Д.* Американцы: национальный опыт, с. 159.

⁷⁷ Другой важной чертой роста городов являлось то, что «жили уже послезавтрашним днем... задумывались... о судьбе своих детей и отныне предпочитали не движение (освоение новых земель – А.Л.), но развитие» (*Бурстин, Д.* Американцы: национальный опыт, с. 149, 150). Т.е. рост городов демонстрирует, как базовая схема переселения и заселения нового материка может трансформироваться в развитие иного характера, что дальше и происходило в истории США.

⁷⁸ «Ни одна община не ощущала себя полноценной при отсутствии колледжа или университета... Колледжам было свойственно принимать имена городов, которые им предстояло прославить... Колледжи повсеместно стимулировали развитие торговли и рост занятости» (*Бурстин, Д.* Американцы: национальный опыт, с. 202-203). Между колледжами шла конкуренция за студентов, и многие ее не выдерживали. «Уровень "смертности" колледжей был столь же высок, как и уровень

отель⁷⁹ и газета (когда появились железные дороги, то их часто вели в пункт, где хотели в будущем создать город, поэтому вокзал становился еще одним знаковым элементом этой системы)⁸⁰. Ярче всего это демонстрирует газета (остальные элементы работали по той же логике). «Для города, все еще существующего, в основном, в воображении, газета могла сослужить – и служила – службу, почти что до селе неслыханную... Газете... пионеров новоявленного города, как и железной дороге, надлежало формировать то самое население, которому она должна была служить... Первой задачей печатника в новоявленном городе было создать общину, в которой могла бы выжить газета... Газеты первые проявили дух поиска, стремясь возглавить прогресс», они создавались, когда еще не было никаких новостей. «Впереди всех обычных институтов общества шел печатный станок... Когда первый номер питтсбургской газеты увидел свет 29 июля 1786 г., Питтсбург был всего лишь деревушкой.... Главной целью газеты служило привлечение в Питтсбург переселенцев»⁸¹. Т.е. еще в XIX в. в США маркетинг шел впереди производства чего-то материального.

Многими постиндустриальными чертами обладала и американская «технология спешки» при заимствовании технологий из Европы. Американцы мастерили фургоны, пароходы и железные дороги, не думая ни о грядущем поколении, ни о грядущем

«смертности» городов... К 1930 г. функционировало менее одного из пяти колледжей и университетов, основанных перед Гражданской войной» (*Бурстин, Д. Американцы: национальный опыт*, с. 206).

⁷⁹ «С самого начала XIX в. отели служили общественными центрами... Вестибюль отеля, подобно залам королевского дворца, становился местом времяпровождения, центром, куда стекались сплетни и слухи, где можно было хоть краем глаза увидеть богатых знатных и могущественных... В быстро растущих городах... отели служили обычным местом заседаний комитетов граждан... и иных официальных учреждений... Первым признаком зарождающегося поселения служит отель высотой в пять этажей... Отель сам начинает создавать население – подобно железным дорогам... В штатах города идут к железным дорогам. И к отелям тоже» (*Бурстин, Д. Американцы: национальный опыт*, с. 176, 182, 184).

⁸⁰ *Бурстин, Д. Американцы: национальный опыт*, с. 199.

⁸¹ *Бурстин, Д. Американцы: национальный опыт*, с. 162-165.

дущем десятилетия, ни даже о будущем годе. Мастеровой беззастенчиво думал лишь о сегодняшнем дне. Разницу между индустриальной Англией и «постиндустриальной» Америкой XIX в. хорошо иллюстрируют производимые ими локомотивы. Английские локомотивы – чудо английской индустрии – были «солидными, устойчивыми, тяжелыми, прочными и добротными». Американские же локомотивы казались «какими-то нелепыми корзинками»: «Рама – легкая и открытая, однако прочная... Двигатель висит на системе рычагов...». Но эти «корзинки» позволяли делать то, что было недоступно английским локомотивам: им были доступны более крутые подъемы, более резкие повороты и большие скорости». «Американская техника была техникой настоящего, формируемой спешкой, недостатком мастерства, денег и сырья, наряду с твердой уверенностью в неизбежности ее быстрой эволюции... Строя быстро и на живую нитку..., они укрепились в своей вере, что в Америке *будет меняться все* – в том числе, разумеется и технология строительства железных дорог... Уверенность англичан в будущем и уподобление его настоящему помешали им даже представить себе вероятность устаревания. Для американцев же представление о том, что устаревает все, стало символом веры»⁸². Но этот принцип является одной из характерных постиндустриальных черт. Американский гений проявлялся в *сочетании таланта изобретателя, организационных способностей и коммерческой жилки*. Американцы постоянно демонстрировали «искусность и находчивость в поисках применения» приходящих из Старого света теоретических открытий. Их вклад состоял «в *организации, демократизации и расширении их использования*». К этому списку следует добавить американское сочетание поверхностности, активности, открытости новому. Как в капле воды это отражает пример развития фотографии. «Веками должна была развиваться химия в Старом Свете, чтобы сделать возможным фотографию, но превращение фотографии в массовое общедоступное средство должно было произойти в результате одного чрезвычайно полезного и совершенно незначительного

⁸² *Бурстин, Д. Американцы: национальный опыт*, с. 140-141.

усовершенствования» – изобретения целлулоида⁸³. Это было сделано в Америке⁸⁴.

В XX в. производство США и Европы в силу конкуренции и общности рынка сбыта продукции выровнялись. Выровнялся и уровень образования в европейских и американских университетах, выровнялся и уровень научной работы в этих университетах. Важную роль в этом играет «импорт мозгов». Т.е. эмиграция, хотя и другой направленности, чем раньше, остается важным механизмом для решения американских проблем. Америка сегодня всю импортует европейских (включая российских) специалистов, несущих новые знания и технологии. Очень сильно повлияли на развитие американской науки, философии, искусства волны эмиграции из России (в связи с Октябрьской революцией) и из Германии (в связи с приходом к власти фашистов). Но в этом и состоит *преимуще-*

ство и современность США. Они мобильны, готовы к риску и нововведениям более, чем другие страны мира. Эта мобильность обеспечена их образом жизни и бизнеса.

Америка – наиболее современная страна, если исходить из того, что современность характеризуется постиндустриализмом и глобализацией. Американцы, благодаря своей истории, наиболее подготовлены к жизни в непредсказуемом быстро меняющемся мире, требующем постоянного напряжения и принятия рискованных решений. «Америка ... постоянно живет в современности», – говорит известный представитель постмодернизма Жан Бодрийар⁸⁵. И корни этой «современности» во многом лежат в складывавшемся в XVII-XIX вв. североамериканском субцивилизационном культурном ядре, важнейшей составляющей которого является американский тип индивидуализма.

Библиография:

1. Бодрийар, Ж. Америка [Текст] / Ж. Бодрийар ; перевод с французского Д. Калугин СПб. : Владимир Даль, 2000. – 205.
2. Бурстин, Д. Американцы: колониальный опыт [Текст] / Д. Бурстин ; перевод с англ. [Под общ. ред. и с коммент. В. Т. Олейника]. – М. : «Прогресс»-«Литера», 1993. – 480
3. Бурстин, Д. Американцы: демократический опыт [Текст] / Д. Бурстин ; перевод с англ. [Под общ. ред. и с коммент. В. Т. Олейника]. – М. : «Прогресс»-«Литера», 1993. – 832.
4. Бурстин, Д. Американцы: национальный опыт [Текст] / Д. Бурстин ; перевод с англ. [Под общ. ред. и с коммент. В. Т. Олейника]. – М. : «Прогресс»-«Литера», 1993. – 621.
5. Вебер, М. Избранные произведения [Текст] / М. Вебер ; перевод с нем. [Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл П. П. Гайденко]. – М. : Прогресс, 1990. – 808.
6. История всемирной литературы: в 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1983–1994.
7. Конен, В.Д. Очерки по истории зарубежной истории музыки [Текст] / В.Д. Конен. – М. : Музыка, 1997. – 640.
8. Липкин, А.И. Духовный кризис и национальное возрождение (Попытка культурно-исторического анализа). Философский очерк [Текст] / А.И.Липкин. – Нижн. Новг.: Изд-во Волго-Вят. кадрового центра, 1993. – 55.
9. Липкин, А.И. «Духовное ядро» цивилизационной общности [Текст] / А.И.Липкин // «Синтез цивилизации и культуры». Международный альманах. М. : ИНИОН РАН, 2004. С. 310-340.
10. Липкин, А.И. К эволюции мультикультурных обществ. (Межцивилизационные аспекты в условиях глобализации) [Текст] / А.И.Липкин // От рисков нестабильности к устойчивому развитию. Часть II. Дилеммы мультикультурализма и национализма. М.: ИЕ РАН, 2011. С. 7-23.

⁸³ Бурстин, Д. Американцы: демократический опыт. М. : «Прогресс» – «Литера», 1993, с. 483.

⁸⁴ Его изобретатель Уэсли Хайатт не был химиком и поэтому «не представлял, что легко мог взорваться» во время своих экспериментов, «не оставили его и предыдущие неудачи английских химиков, занимающихся пластмассой, потому что он даже о них не знал» (Бурстин, Д. Американцы: демократический опыт, с. 483).

⁸⁵ Бодрийар, Ж. Америка, с. 150.

11. Липкин, А.И. «Духовное» и «политическое» «ядра» «локальной цивилизации» и их столкновение в истории России [Текст] / А.И.Липкин; Препринт WP17/2012/01 Серия WP17.Научные доклады Лаборатории сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ М.: ВШЭ, 2012. http://www.hse.ru/data/2012/04/10/1251631302/WP17_2012_01_f.pdf.
12. Липкин, А.И. К вопросу о понятиях «национальной общности» и национального «культурного ядра» [Текст] / А.И.Липкин // Вестник российской нации, 2012 б, №4-5, с.155-176.
13. Морозова Т.Л. Спор о человеке в американской литературе [Текст] / Т.Л. Морозова. – М.: Наука, 1990. – 334.
14. Русская идея [Текст]/ Сост. и авт. вступ. статьи Маслин М.А. – М.: Республика, 1992.
15. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс [Текст] / Х. Ортега-и-Гассет // Вопросы философии, 1989, № 3.
16. Токвиль, А.де. Демократия в Америке [Текст] / А. Де Токвиль ; перевод с франц. [грედисл. Гарольда Дж. Ласки]. М. : Прогресс,1992. – 554.
17. Фомина В.Н. Постиндустриальное общество [Текст] / В.Н. Фомина // Современная западная социология (словарь). М., 1990.
18. Bell D. The coming of post-industrial society; A venture in social forecasting [Text] / D. Bell. – N.Y.: Basic Books,1973. – XIII, 507.
19. Bell D. The cultural contradictions of capitalism [Text] / D. Bell. – N.Y. : Basic Books, 1976. – XXXIV, 301.
20. Cohen E. A Consumers' Republic. The Politics of Mass Consumption in Postwar America, [Text] / E.A. Cohen. – N.Y.: Alfred A. Knopf, 2003. 567.
21. Gavin, W.M. and Blakely, T.J. Russia and America; a philosophical Comparison (Development and Change of Outlook from the 19th to the 20th Century) [Text] / Dordrecht-Holland/ Boston-U.S.A., 1976. – 115.
22. Lapeyrouse St. L. Towards the Spiritual Convergence of America and Russia: American Mind and Russian Soul, American Individuality and Russian Community, and the Potent Alchemy of National Characteristics [Text] / StL. Lapeyrouse. – Santa Cruz, Calif., USA : S. Lapeyrouse 1990. – 168.
23. Persons S. American Minds. A history of Ideas. [Text] / S. Persons. – Huntington, N.Y., R. E. Krieger Pub. Coб 1975. – xii, 527.
24. Realism, naturalism and symbolism: Modes of thought and expression in Europe, 1848-1914 [Text] / [ed. by Stromberg R.N.]. – N.Y.: Harper and Row, 1968. xxxvi, 296 p 24 cm
25. Smith J. E. The Spirit of American Philosophy [Text] / J.E. Smith. – Revised Edition, Albany, N.Y.: State University of New York Press, 1983. – 253.
26. Rifkin J. The European Dream: How Europe's Vision of the Future Is Quietly Eclipsing the American Dream [Text] / J. Rifkin. – New York: Jeremy P. Tacher / Penguin. New York. 2004. – 448.

References (transliterated):

1. Bodriiar, Zh. Amerika [Tekst] / Zh. Bodriiar ; perevod s frantsuzskogo D. Kalugin SPb. : Vladimir Dal', 2000. – 205.
2. Burstin, D. Amerikantsy: kolonial'nyi opyt [Tekst] / D. Burstin ; perevod s angl. [Pod obshch. red. i s komment. V. T. Oleinika]. – M. : «Progress»-«Litera», 1993. – 480
3. Burstin, D. Amerikantsy: demokraticeskii opyt [Tekst] / D. Burstin ; perevod s angl. [Pod obshch. red. i s komment. V. T. Oleinika]. – M. : «Progress»-«Litera», 1993. – 832.
4. Burstin, D. Amerikantsy: natsional'nyi opyt [Tekst] / D. Burstin ; perevod s angl. [Pod obshch. red. i s komment. V. T. Oleinika]. – M. : «Progress»-«Litera», 1993. – 621.
5. Veber, M. Izbrannye proizvedeniya [Tekst] / M. Veber ; perevod s nem. [Sost., obshch. red. i poslesl. Yu. N. Davydova; Predisl P. P. Gaidenko]. – M. : Progress, 1990. –808.
6. Istoriya vseмирnoi literatury: v 8 tomakh / AN SSSR; In-t mirovoi lit. im. A. M. Gor'kogo. – M.: Nauka, 1983–1994.
7. Konen, V.D. Ocherki po istorii zarubezhnoi istorii muzyki [Tekst] / V.D. Konen. – M. : Muzyka, 1997. – 640.
8. Lipkin, A.I. Dukhovnyi krizis i natsional'noe vozrozhdenie (Popytka kul'turno-istoricheskogo analiza). Filosofskii ocherk [Tekst] / A.I.Lipkin. – Nizhn. Novg.: Izd-vo Volgo-Vyat. kadrovogo tsentra, 1993. – 55.

9. Lipkin, A.I. "Dukhovnoe yadro" tsivilizatsionnoi obshchnosti [Tekst] / A.I.Lipkin // «Sintez tsivilizatsii i kul'tury». Mezhdunarodnyi al'manakh. M. : INION RAN, 2004. S. 310-340.
10. Lipkin, A.I. K evolyutsii mul'tikul'turnykh obshchestv. (Mezhtsivilizatsionnye aspekty v usloviyakh globalizatsii) [Tekst] / A.I.Lipkin // Ot riskov nestabil'nosti k ustoychivomu razvitiyu. Chast' II. Dilemmy mul'tikul'turalizma i natsionalizma. M.: IE RAN, 2011. C. 7-23.
11. Lipkin, A.I. «Dukhovnoe» i «politicheskoe» «yadra» «lokal'noi tsivilizatsii» i ikh stolknovenie v istorii Rossii [Tekst] / A.I.Lipkin; Preprint WP17/2012/01 Seriya WP17.Nauchnye doklady Laboratorii sravnitel'nogo analiza razvitiya postsotsialisticheskikh obshchestv M.: VShE, 2012. http://www.hse.ru/data/2012/04/10/1251631302/WP17_2012_01_f.pdf.
12. Lipkin, A.I. K voprosu o ponyatiyakh "natsional'noi obshchnosti" i natsional'nogo "kul'turnogo yadra" [Tekst] / A.I.Lipkin // Vestnik rossiiskoi natsii, 2012 b, №4-5, s.155-176.
13. Morozova T.L. Spor o cheloveke v amerikanskoj literature [Tekst] / T.L. Morozova. – M.: Nauka, 1990. – 334.
14. Russkaya ideya [Tekst]/ Sost. i avt. vstup. stat'i Maslin M.A. – M.: Respublika, 1992.
15. Ortega-i-Gasset Kh. Vosstanie mass [Tekst] / Kh. Ortega-i-Gasset // Voprosy filosofii, 1989, № 3.
16. Tokvil', A.de. Demokratiya v Amerike [Tekst] / A. De Tokvil' ; perevod s frants. [gredisl. Garol'da Dzh. Laski]. M. : Progress,1992. – 554.
17. Fomina V.N. Postindustrial'noe obshchestvo [Tekst] / V.N. Fomina // Sovremennaya zapadnaya sotsiologiya (slovar'). M., 1990.
18. Bell D. The coming of post-industrial society; A venture in social forecasting [Text] / D. Bell. – N.Y.: Basic Books,1973. – XIII, 507.
19. Bell D. The cultural contradictions of capitalism [Text] / D. Bell. – N.Y. : Basic Books, 1976. – XXXIV, 301.
20. Cohen E. A Consumers' Republic. The Politics of Mass Consumption in Postwar America, [Text] / E.A. Cohen. – N.Y.: Alfred A. Knopf, 2003. 567.
21. Gavin, W.M. and Blakely, T.J. Russia and America; a philosophical Comparison (Development and Change of Outlook from the 19th to the 20th Century) [Text] / Dordrecht-Holland/ Boston-U.S.A., 1976. – 115.
22. Lapeyrouse St. L. Towards the Spiritual Convergence of America and Russia: American Mind and Russian Soul, American Individuality and Russian Community, and the Potent Alchemy of National Characteristics [Text] / StL. Lapeyrouse. – Santa Cruz, Calif., USA : S. Lapeyrouse 1990. – 168.
23. Persons S. American Minds. A history of Ideas. [Text] / S. Persons. – Huntington, N.Y., R. E. Krieger Pub. Cob 1975. – xii, 527.
24. Realism, naturalism and symbolism: Modes of thought and expression in Europe, 1848-1914 [Text] / [ed. by Stromberg R.N.]. – N.Y.: Harper and Row, 1968. xxxvi, 296 p 24 cm
25. Smith J. E. The Spirit of American Philosophy [Text] / J.E. Smith. – Revised Edition, Albany, N.Y.: State University of New York Press, 1983. – 253.
26. Rifkin J. The European Dream: How Europe's Vision of the Future Is Quietly Eclipsing the American Dream [Text] / J. Rifkin. – New York: Jeremy P. Tacher / Penguin. New York. 2004. – 448.